

Крещенское гадание

18+

Марина Орлова

Марина Орлова

Крещенское гадание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67074078

SelfPub; 2022

Аннотация

Стоило Божене приехать в гости к бабушке, в деревню, как начал ей сниться один и тот же парень – красивый, зеленоглазый... Вот только Божена, рассудительная студентка, не верит ни в сны, ни в гадания, ни в прочую мистическую чушь.

***

По-зимнему тёплая романтическая история с неожиданными поворотами и нежной эротикой.

Марина Орлова

Крещенское гадание

– Не, ну ты смелая – на три недели попереться, я бы без нормального интернета сразу померла. – Лена, подруга Божены ещё с младших классов школы, покачала головой с экрана планшета. – Так что, серьёзно, будешь там все каникулы сидеть? Мне в кино не с кем пойти, Вадик постоянно работает...

– Да я тут уже привыкла, – Божена пожала плечами. – Нормально. С бабой Тасей интересно, она столько фольклора знает – приметы, поговорки, присказки... В травах очень хорошо разбирается. Мы с ней не виделись сколько лет, а она старенькая, вдруг что... Кино твоё не убежит.

– А может, ты книжку напишешь? Вдруг засчитают как курсовик или даже диплом? Типа – фольклорная экспедиция, в настоящую деревню... – Лена повела руками, видимо, изображая таинственность. – Кстати! Сегодня ж крещенский вечер! Помнишь – «раз в крещенский вечерок девушки гадали»... Тебе тоже нужно. «Суженый, ряженный»... Чем там ещё заниматься?

Божена вздёрнула нос и поджала губы.

– Ой, Ленка, не беси меня. Ты знаешь, как я к этому отношусь.

Неожиданно в приоткрытую дверь комнаты Лены, види-

мую на заднем плане, сунулась взлохмаченная голова Полинки, младшей сестры, и выпалила:

– Ага, а зато в сны веришь! – и она передразнила тон с придыханием. – «Ой, Ленка, мне такой парень снится, ТАКОЙ ПАРЕНЬ...»

– Польшка! – Лена рванула к двери, однако голова тут же исчезла, а в коридоре раздались удаляющийся топот и смех.

Божена густо покраснела и покосилась на библиотекаршу – пожилую даму с тугим узлом волос на макушке, однако та сидела по-прежнему монументально, держа в руках раскрытый дамский роман. На всякий случай девушка поправила наушники и уменьшила громкость – вдруг в тишине читального зала звук всё-таки слышен.

Покричав в коридоре, Лена вернулась к компьютеру.

– Не слушай эту дуру. Вообще задолбала! – подруга покачала головой. – Скорее бы уже съехать. Вадик квартиру присмотрел, только нужно мебель купить. Может, через неделю...

– Я рада за вас, – Божена вежливо улыбнулась. – Ну ладно, пошла я.

Лена спохватилась.

– Так это, Божка, стой... Что этот твой парень? Снился ещё?

– Да что... – девушка замаялась и снова бросила опасливый взгляд на библиотекаршу. – Ну... Иногда...

Подруга восторженно распахнула глаза.

– Каждую ночь?

Божена наклонилась к микрофону наушников и прошептала:

– Ага.

Её собеседница заговорщицки прищурилась.

– На твоём месте я бы точно погадала. Мало ли... А вдруг сработает?

– Пфф...

– Не, серьёзно! Вдруг это какой-то тамошний парень. Из деревни. Сосед твой. А ты упустишь шанс из-за своих принципов.

Божена снова покраснела и буркнула:

– Не надо мне деревенских...

Лена закатила глаза.

– Ой, хватит быть такой душой. А то так и будешь спать с этим своим... Шопеном.

– Шопенгауэром!

– Да я так и сказала. Короче, давай, Божка. На войне и в любви все средства хороши! Найди его и это... – подруга махнула кулаком перед экраном. – Ну, ты поняла.

– Ага. Постараюсь. До завтра.

Улыбнувшись на прощанье, Лена отключилась.

Божена ещё немного посидела, затем выключила планшет, оплатила пользование интернетом и вышла на освещённую луной улицу – единственный фонарь, как обычно, не работал.

Девушка по городской привычке настороженно оглядела тёмные углы изб и направилась к дому бабы Таси. Свежий снег ломко хрустел под ногами, вспыхивая искрами в лунном свете. Божена пробиралась осторожно, время от времени проваливаясь в рытвины, скрытые снегом. В голове кружили обрывки мыслей. «Глупости... Гадания... Ладно в деревне верят, но Ленка-то... Начиталась ерунды... Дам ей Докинза новую книжку... Ещё Полька подслушивает... Надо сказать, чтоб тоже наушники брала, а то весь дом слушает... Подумаешь, парень снится... И что такого... Мало ли... В ленте его видела или что... Вот и снится... Да наверняка в ленте – такой красавчик, точно модель... Волосы отбелённые... И глаза слишком зелёные... Линзы... Или фотошоп... А губы...»

Божена вздохнула и представила губы парня из своих снов – мягкие, так и хочется погладить кончиками пальцев, а слева на подбородке – родинка... А уж когда парень улыбался, вообще дыхание перехватывало – даром что во сне... Замечтавшись, девушка немедленно провалилась ногой в сугроб и чуть не упала. Сердито фыркнув, она выбралась на ровный участок, отряхнула джинсы и пробормотала под нос: «Что за чушь!»

Наконец-то добравшись до бабушкиного дома, Божена радостно улыбнулась. В окне первого этажа горел свет и мелькали тени – наверняка баба Тася готовит свой любимый чай с чабрецом и мёдом. После ковыляния по сугробам так прият-

но сесть за деревянный стол с выскобленной годами столешницей и массивными ножками, потягивать душистый чай, следить за тенями, танцующими на стенах, слушать рассказы бабушки и гладить мягчайшую шерсть Пушка – огромного белого кота.

Бабе Тасе было уже за девяносто, но здоровье у неё было на удивление крепкое, а слух – острый.

– Кто там? Боженька, ты? А я только чаёк заварила, как почувствовала, что ты идёшь...

Божена вновь улыбнулась. Всякие там мистики и мракобесы наверняка сказали бы, что у бабы Таси развито шестое чувство или какие-то там чакры. Она всегда угадывала, что должны прийти гости, какая завтра будет погода и прочие подобные мелочи.

Стоило Божене сесть, как на колени запрыгнул Пушок, мурлыча и лапаясь. Девушка почесала кота за ухом, потискала пушистые щёки и, заглянув в отливающие зеленью глаза, вдруг подумала, насколько он похож на своего отца – Белушика, который жил у бабушки раньше, когда Божена была маленькой. Да и всё на этой кухне, наполненной уютным теплом печи и запахом неведомых трав, было точно таким, как в детстве, – словно и не было этих двенадцати лет. «А я и забыла, что здесь так хорошо. То с девчонками, то в Тайланд, то в Грецию... Нет, Греция, конечно, это нечто... – перед внутренним взором Божены мелькнули воспоминания о недавней поездке с родителями. – Но как я столько лет не

приезжала к бабушке? Папа всё занят был... Но теперь меня уже не нужно везти, сама могу приехать. На летние каникулы куплю билет на поезд и приеду...». Девушка покосилась на бабу Тасю – подперев лицо ладонью, та задумчиво смотрела в окно – и мягко улыбнулась.

Допив чай, Божена расслабленно оперлась спиной на стену, скользя взглядом по комнате, прислушиваясь к тихому мурлыканью кота, отдавшись ленивому течению мыслей. «С другой стороны, а если и погадаю... Никто ж не узнает. Ну, могу и я... Разок. В шутку. Так сказать, позволю себе расслабиться – и никому от этого вреда не будет. Баба Тася лежит, а я... Будто крестьянка из прошлого. Надо погуглить, как правильно. Блин, интернет этот, еле пашет...». Поглаживая тёплую белую шерсть – Пушок время от времени нырял головой ей под руку и когтил колени – девушка наконец-то дождалась, пока откроется страница с перечнем гаданий, однако ничего ей не нравилось. То нужно было идти на перекрёсток – вдруг увидит кто, стыд и позор! – то бросать валенком в прохожего, то топить баню, а этого Божена не умела.

Наконец, последний вариант показался любопытным. Он не требовал сложной бутафории и в то же время звучал очень аутентично: «Если ночь ясная, разденься догола, в окно скажи: «Месяц мой суженый, ступай за мной» и иди в нежилую комнату. Там зажги две свечи перед зеркалом, произнеси: «Месяц, яви мне свой лик» и смотри, не моргая, на отражение. Если есть у тебя суженый – увидишь его за спи-

ной».

Когда баба Тася, надев тулуп, пошла в сарай за дровами, Божена потихоньку взяла из кухонного ящика две длинные белые свечи и спички и отнесла их на чердак. В глубине помещения, неподалёку от окна, стоял стол, заваленный старой кухонной утварью. Здесь были и керамические блюда с неожиданно яркими – что за краска держится так долго? – узорами и неразборчивыми стилизованными буквами, и толстые деревянные миски, и тяжёлая каменная ступка, и тускло отливающие металлом щипцы – судя по грубым, асимметричным деталям, они были не отлиты, а сделаны вручную. «Ничего себе у бабушки лежит... Это, может, настоящий кузнец ковал... Интересно, сколько это может стоить?». Оглядевшись, Божена заметила на полке настольное зеркало – потемневшее от времени, с тонкой паутиной трещин с правого края.

Спустившись с чердака, Божена подождала, пока вернётся бабушка, обняла её, пожелала спокойной ночи, и они разошлись по спальням: баба Тася – на первый этаж, Божена – на второй.

***

В своей комнате, за закрытой дверью, раздеться и проборотать положенные слова, глядя на луну за окном, было ещё терпимо, но, когда пришёл момент открыть дверь и – голышом! босиком! – пробираться на чердак, Божена ощутила себя предательницей и Докинза, и всех просветителей чело-

вечества. Чтобы чувствовать себя хоть немного привычнее – да и свет не помешает – она захватила со стола телефон и теперь, сжимая его в пальцах, кралась по коридору.

«Холодно... Занозу бы не посадить... А вдруг тут мыши есть?! Наверное, всегда в деревенских домах бывают... Хотя Пушок ведь...»

Словно в ответ – снизу раздалось тихое «мяв», и ногу Божены огладил тёплый мягкий бок. Девушка, едва не вскрикнув, прижала к губам пальцы.

– Пушок! Напугал меня! – возмущённо зашептала она. – Ты чего не спишь?

Белеющий в полутьме силуэт мяукнул снова.

– Мышей ловишь? Дело хорошее...

Внезапно Божене пришло в голову, что она совершенно голая, и, хотя Пушок был лишь котом, ей стало неловко. Девушка обняла себя, прикрывая грудь, и забормотала раздражённо:

– Нет у меня ничего. Еда вся на кухне. Чего расселся?

Кот, и в самом деле, замер дальше по коридору. Из темноты сверкнули зелёные глаза.

Девушка торопливо налегла на тяжёлую дверь чердака. «Лазает тут... Ну, хотя бы не скажет никому... Да и подумаешь – кот... Как ты перед парнем будешь раздеваться, если кота стесняешься?.. А, впрочем, будет ли тот парень...»

Плотнее закрыв дверь, Божена растёрла озябшие плечи руками и прошла к столу в глубине чердака. Потихоньку

освободив его от вещей, она зажгла свечи и установила на прозрачные стеклянные блюда – одно было целое, а от второго отколот кусочек, но, судя по потемневшему месту стола, очень давно.

Девушка достала с полки зеркало, смахнула с него пыль какой-то ветошью и установила между свечами. Поискав, обнаружила в дальнем углу тяжёлый деревянный табурет, перенесла его к столу. На сиденье лежала подушка – расшитая узорами, туго набитая чем-то равномерно-мягким. «А вдруг там зараза какая? А я – без трусов... Да ладно, микробы так долго не живут» – и Божена аккуратно присела на прохладную упругую поверхность.

Откашлявшись, она прошептала: «Месяц, яви мне свой лик». Подумав, на всякий случай повторила громче. И уставилась в зеркало.

Ничего. Только её собственное лицо с глупым выражением и смутный сумрак вокруг. Наверное, от времени зеркало испортилось и поэтому показывало всё более тёмным, чем в жизни. Взгляд девушки то и дело цеплялся за россыпь трещинок по правому краю.

«Конечно, не будет ничего... Это только в кино бывает... Ну и ладно, зато я убедилась. Типа, провела научный эксперимент. Могу даже Ленке сказать – мол, специально гадала, чтобы проверить. И вот – не работает...»

Увлёкшись рассуждениями, Божена задумчиво смотрела на своё отражение и даже позабыла моргать. Наверное, она

привыкла к холоду – было уже не так зябко. Неожиданно показалось, что справа, по трещинкам, мелькнуло что-то светлое. Она испуганно покосилась на край зеркала. Ничего.

«Наверное, отсвет пляшет. Огонёк. Или сквозняк какой. Да просто показалось. А вдруг нет?.. Вылезет из зеркала какая-нибудь хрень – как в кино... Так, нужно задуть свечи. Я проверила, что не работает – всё, хватит. И как идти обратно в темноте? Может, оставить одну? Нет, у меня ж телефон, им посвечу». Девушка посмотрела на телефон, лежащий дальше на столе.

А когда перевела взгляд обратно на зеркало, из-за правого плеча на неё смотрел парень из снов. Живой и вполне обычный – если не считать густо-зелёных глаз, в которых огонь свечей отражался изумрудными искрами. Парень улыбнулся, словно здороваясь.

И он был не только в зеркале – Божена видела его краем глаза и вдруг осознала, что чувствует тепло кожи, – прямо за спиной. Она замерла в страхе, сглотнула и медленно повела взгляд от зеркала к своему плечу, однако к спине вдруг прижалось жаркое обнажённое тело, справа вынырнула рука – тоже обычная, с рельефом мышц и пушком светлых волос – мягко взяла её лицо за подбородок и вернула обратно к зеркалу.

– Ты кто? – от сиплого шёпота у девушки запершило в горле, и она сдавленно кашлянула.

Парень качнул головой и не ответил. В зеркальном отра-

жении его взгляд скользнул по шее Божены, неторопливо огладил правое плечо, опустился ниже – к груди – и на губах мелькнула хорошо знакомая усмешка. Да-да, и родинка на подбородке... Щёки девушки стали горячими. Она хотела было закрыться руками, но побоялась – вдруг ему это не понравится? Вдруг он внезапно озверевает и загрызёт её?!

Однако парень вёл себя спокойно. Он склонил голову, чтобы лучше видеть её лицо, осторожно прикоснулся к щеке, провёл подушечкой указательного пальца по спинке носа и губам – девушка невольно дёрнулась от щекотки. Парень снова улыбнулся, накрыл лицо Божены тёплыми ладонями, закрывая глаза, и она, помедлив пару секунд, подчинилась. В конце концов, он вовсе не был похож на пугающего монстра, а его прикосновения были настолько нежными, что девушке совершенно не хотелось прерывать происходящее.

В темноте, с закрытыми глазами, ощущения стали более полными, насыщенными. Мягкие пальцы огладили лицо, легко пробежали по лбу, вискам, щекам, помассировали мочки ушей и нырнули в волосы. Божена выдохнула от неожиданных ощущений – она никогда не думала, что прикосновения к коже головы могут быть настолько приятными.

В тот же момент губы осторожно коснулись её шеи, спустились вниз поцелуями. Там, где они остановились, кожу легонько лизнул кончик языка и, прижавшись, повёл обратно вверх. Дойдя до уха, парень потёрся о него носом и начал покусывать мочку – тут уж Божена и вовсе обмякла, отки-

нувшись спиной на тело позади.

Парень явно воспринял это как знак – он тоже прижался теснее, прикусил сильнее и обнял девушку под грудью, легко водя ногтями по её плечам. От ритмичного нажима соски налились тяжёлым жаром, и, когда парень скользнул по одному из них запястьем, Божена неожиданно для себя всхлипнула от удовольствия.

Парень на мгновение замер, словно раздумывая, а затем – ладони нырнули под груди, приподняли, огладили по всей поверхности, остановились на миг – и вернулись к остро торчащим соскам. Горячие пальцы обвели их по кругу – у девушки перехватило дыхание – затем легонько сжали и потянули. Божена застонала на выдохе, чувствуя, как низ живота и бёдра облило жаром, и вцепилась в сиденье табурета. Парень, не прерывая ласки, довольно хмыкнул ей в шею и прихватил кожу зубами.

Возбуждение нарастало быстро: Божена, тяжело дыша, выгибалась в пояснице, словно бы ненароком скользила грудью по горячим ладоням парня, ёрзала на подушке сидения – на краю сознания мелькнула мысль, что это будет уже не отстирать, – однако прикоснуться к клитору не решалась и только крепче сжимала бёдра.

Когда пальцы в очередной раз ущипнули её соски, девушка не выдержала и переплела лодыжки, стараясь усилить нажим на клитор. Вот теперь парень, видимо, обратил на это внимание, потому что руки отпустили грудь – Божена вы-

дохнула в жалобном протесте – скользнули вниз по животу, нырнули между ног и нажали, требуя развести в стороны. Девушка подчинилась неохотно, однако новые ощущения вскоре компенсировали ей упущенное удовольствие. Левая рука парня вернулась к груди, а правая по-хозяйски накрыла лобок и принялась экспериментировать: то оглаживать круговыми движениями, то легонько похлопывать, то ненадолго нырять вглубь – судя по ощущениям Божены, там было уже совершенно мокро. Когда пальцы находили нужные точки, девушка чуть слышно постанывала, и парень в ответ тоже выдыхал довольно, покусывал плечи и шею.

Через пару минут, когда Божена от удовольствия окончательно выпала из реальности, парень обхватил её под грудью и потянул назад, предлагая полностью откинуться на него. Стоило девушке поддаться, как пальцы парня скользнули к влагалищу. Божена было напряглась, ожидая боли, однако пальцы вошли неглубоко, остановившись у самого входа, и начали гладить так нежно, что девушка и не могла сказать точно, как они это делают, – знала только, что готова душу продать за эти прикосновения.

Ногу под коленом погладило мягким и тёплым, будто хвостом. «Пушок залез... – лениво всплыло в сознании. – Вот же пронира...». В ответ раздалось довольное мурлыканье – прямо над ухом, но девушка словно и не слышала – все её чувства жили там, где касались ласковые руки. Божена чуть сдвинулась, чтобы ладонь парня нажимала как раз на клитор

– в сочетании с ритмичными движениями пальцев казалось, что вот-вот, и...

И в это мгновение раздался резкий дребезжащий звук – завибрировал телефон на столе.

По телу Божены словно пробежала волна – девушка настолько глубоко погрузилась в собственные ощущения, что вернуться в реальность было не так-то просто, да и не хотелось. Однако телефон завибрировал снова, окончательно перебивая удовольствие. Божена неохотно открыла глаза, села – парень подался за ней, не желая отпускать – потянулась было к телефону, но глянула в зеркало – и замерла.

На этот раз лицо парня было почти полностью закрыто спутанными волосами. Остался виден лишь странно-безгубый рот, который навёл Божену на мысль о змеях. Заметив испуганный взгляд девушки – за волосами сверкнули зелёные огни глаз – существо оскалило острые, по-кошачьи тонкие зубы и зашипело.

Этот звук, раздавшийся прямо над ухом, вывел Божену из оцепенения: она толкнула зеркало – на стол заодно упали свечи – и попыталась вскочить, однако от резкого движения табурет опрокинулся назад, потянув её за собой. Девушка рухнула на спину, ударилась затылком и потеряла сознание.

***

Очнулась Божена всё там же – на полу чердака, только теперь вокруг ярко горели свечи, а обнажённое тело было накрыто одеялом. В первое мгновение девушка не поняла, что

происходит: показалось, будто склонившееся над ней морщинистое лицо, по которому пляшут то всполохи света, то сумрачные тени, принадлежит какой-то ведьме. Божена замерла в ужасе, но в следующее мгновение сообразила, что это – баба Тася. Бабушка гладила её волосы и тревожно вглядывалась в лицо.

– Ох, Боженька, спужала ты меня! Я уж думала...

Тут девушка сообразила, как странно, должно быть, выглядит – голая, на чердаке... Она бросила испуганный взгляд в сторону стола, но бабушка сказала:

– Я затушила, затушила уж... Водички хочешь?

Она подала Божене алюминиевую кружку с вмятинкой на боку, подождала, пока та выпьет всё до капли, и продолжила:

– Ну, ты, внуча, спужала меня. Я уж задремала... И грехот... Думала, крыша свалилась, а то – ты. Ты что ж это, гадать надумала? А говорила, глупости... – баба Тася внимательно посмотрела в глаза внучке. – Что видела-то?

Божене было неловко, что бабушка подловила её, но деваться некуда – кутаясь в одеяло, она пробормотала:

– Чудище какое-то... Будто... – она запнулась, – человек, но вроде змея или что... Лицо такое...

– В зеркале? Или в комнате?

Недолго подумав, девушка решила, что всё произошедшее не могло быть реальным. Просто обман чувств, галлюцинация. Поэтому она ответила:

– В зеркале.

Баба Тася заметно расслабилась и снова погладила внучку по волосам.

– В зеркале – это ничего. Оно-то всякое может показать...

Божена встрепенулась.

– А в комнате Пушок был! – она оглянулась в тревоге. – Оно его не съело?..

Бабушка нахмурилась.

– С чего ты взяла, что был? Видела?

– Да вроде погладило меня что-то...

– Почудилось, – баба Тася махнула рукой. – Что ему тут делать...

Девушка замотала головой.

– Точно был! Мурлыкал он!

Вспомнив момент, когда парень уткнулся носом ей в ухо, потерялся – и замурлыкал – Божена замерла в ужасе, приоткрыла губы и уставилась на бабушку широко распахнутыми глазами. Та всполошилась.

– Что?! Или ты не всё сказала? Говори по правде!

– Парень был... Красивый, – зубы девушки стучали. – Он мне снился. А тут – в зеркале. Но и тут тоже. А потом... Потом замурчал – как Пушок, – выдохнув последнее слово, Божена обмякла, бесцельно блуждая взглядом по комнате.

– А дальше?

Девушка лишь покачала головой. Баба Тася взяла её за плечи, заглядывая в лицо.

– Где он?

– Телефон зазвонил, смотрю – а там страшный такой... В зеркале. Я... ну... Хотела это, а стул упал, и я упала, и – ты...

Баба Тася поджала губы, пробормотала: «Спужала...», вскочила неожиданно резво и бросилась к двери. Божена удивлённо посмотрела ей след и, окинув быстрым взглядом пляшущие по стенам тени, плотнее закуталась в одеяло.

Вскоре откуда-то снизу донеслось: «Пушенька! Дитятко! Ивасенька, где ты?»

Вдруг по правой стене по направлению к открытой двери метнулась большая тень. Девушка вздрогнула, вскочила на колени, запуталась в одеяле, сбросила его – и как была голышом рванула к выходу и чуть не кубарем скатилась по лестнице.

Влетев в свою комнату, она бросилась одеваться. Пытаясь попасть ногой в штанину, Божена, не осознавая себя, бормотала: «Что за чушь... Господи, не бывает такого... Или бывает?.. Нет... Спужала... Что это значит?.. Спужала... А что меня спужали – то ничего?.. Боже... Помолиться что ли?.. Отче наш... Что-то там... Что ж за такое... Штаны ещё эти...»

По лестнице поднималось: «Маленький мой! Ивася! Белушенька! Ивася, где ты? Не бойся, выходи!»

Девушка наконец-то застегнула джинсы, натянула водолазку – так рванула рукав, что он треснул нитками – и замерла, уставившись на дверь. «Кого она зовёт?.. Белуш подох давно... А что за Ивася?..». И вдруг в сознании Божены

вспыхнуло воспоминание: чёрно-белое фото, где мама – совсем девчонка, в простом платье и босоногая – сидит на покосившейся деревянной скамейке рядом с деревенским колодцем и нянчит пушистого белого кота. «Иваська его звали... Или кажется уже?... От страха, небось, путаюсь... Услышала сейчас, а кажется, будто раньше... Или правда?..»

Баба Тася сунула голову в комнату и, деловито оглядывая углы, снова позвала:

– Ивасенька! Дитяtko! – она вздохнула. – Куда ж ты делся-то?

«С ума сошла, – бухнуло в голове Божены. – Или она, или я. Бежать. А куда? Ночь, закрыто всё. Холодно. Нет, здесь нельзя, хоть в сугробе пересажу. До утра».

Ищущий взгляд бабушки, наконец, остановился на Божене, стоящей рядом с кроватью.

– А ты куда собралась?

Видя, что от неё и вправду ждут ответа, девушка пробормотала:

– Пойду... Погуляю...

Баба Тася посмотрела на неё укоризненно, зашла в комнату, подхватила внучку под руку, потянула к выходу и дальше – на первый этаж.

– Пойдёт она, посмотрите на неё... Навела шороху, спужала всех, а теперь – идти собралась, посреди ночи...

На кухне баба Тася подтолкнула Божену к табурету – девушка послушно рухнула, словно в один момент её покинули

и оставшиеся силы – зашуршала возле плиты, а вскоре поставила на стол две кружки, над которыми поднимался ароматный травяной пар.

Божена покосилась на предложенное питьё. «А вдруг травы перепутала? Старенькая же... Положила в чай не то, вот мне и померещилось... Галлюцинации...»

– Пей уж. Сонные травки. Или, думаешь, лучше идти куда-то ночью, одной? Сейчас с тобой поспим, а утром – голова яснее, там посмотрим.

Девушка помялась в нерешительности, но идти на улицу, в самом деле, уже казалось неразумной идеей, так что она всё же взяла кружку и, обжигаясь, мелкими глотками выпила всё до дна.

***

Проснулась Божена почти в самый полдень – отдохнувшая и в хорошем настроении. «Ну и кашу я вчера заварила... Гадать надумала! Я! Хоть бы Ленка не прознала, позорище... А может, приснилось всё?»

Стараясь не думать ни о чём больше, девушка оделась и сбежала по ступенькам лестницы. Однако на кухне, увидев белый хвост, нырнувший за печку, опасно замерла.

Баба Тася сидела за накрытым столом и сквозь очки изучала газетный лист.

– Как спалось, Боженька? – она отложила своё занятие.

Настороженно поглядывая в сторону печи, девушка подошла к столу и села.

– Нормально, хорошо, – она снова покосила на печь, но котла не было видно. – А что, нашёлся... Пушок?

– Нашёлся, нашёлся... В бане прятался. Слушай, внученька, – баба Тася вздохнула, – скажу я всё как на духу, хоть ты мне и не поверишь. Ты смышлёная, книжки читаешь, не чета мне, простой деревенской бабе. Только что я скажу, то чистая правда – хочешь верь, хочешь нет.

Она подвинула к Божене тарелку с блинчиками, политыми малиновым вареньем, и спросила:

– Что за парень был? Белый? Глаза зелёные? – дождавшись кивка, бабушка тоже кивнула и помолчала. – Сын это мой, Ивась. Он так-то людям не кажется, только мне. Ты, видать, глянулась ему...

За печкой что-то стукнуло, Божена подпрыгнула на стуле, а баба Тася махнула рукой в ту сторону, словно прогоняя кого.

– А ты уж молчи! Тоже хорош! Я говорила – не лезь к людям... – она покачала головой и повернулась к Божене. – Давно то началось. Бабка моя, покойница, сильной ведуньей была. А вера такая есть, что, пока ведунья дело не сдаст, помереть не может. И она мне сказала, а я-то, дура, не понимала... Так и взяла. И она как померла, на другое утро и началось. Пошла на речку стирать, а сама злая была – кобыла по пути грязью обшлёпала. Так бабы с речки в тот же день – какая ногу сломала, какая под телегу попала – чудом вытянули... А одна в колодец упала. Так и пошла молва по деревне,

что бабка мне дело сдала. Люди пошли. А куда деваться – еду несут, вещи... Другой работы нет. Так пришлось... Да только мне ж тоже хотелось жить – семью, детей – а какая ведунья семья? В глаза улыбаются, а за спиной – плюют и крестятся. Я б съехала, так куда? Здесь – дом...

Помолчав, баба Тася поднялась к кухонному столу, начала неторопливо перебирать жестяные баночки с травами.

– Годы шли. Дитёнка мне шибко захотелось. Всё готова была отдать, только никому не надо. Так я поехала в город, пошла по кабакам... Сама не знала – понесла или нет, а только пришла ко мне бабка – во сне – да говорит: «Нельзя тебе вдовать, ведуньям детей не дают». И я как проснулась – всё. Ушла в лес, от соблазна подальше. И хорошо так сынок рос, снился часто – будто бегают на полянке, маленький, беленький, птичек с ладошки кормит... – голос бабы Таси дрогнул слезами, и она вытерла нос рукавом. – Только как решиться был срок, приехал районный староста с людьми. С самого центра приехал – нашёл ведь, черти его привели ко мне...

Бабушка снова замолчала. Дождалась, как чайник запыхтел паром, забулькал крупно, сняла с огня. Села за стол, избегая взгляда Божены.

– Дочка у него пропала. На коленях молил искать, а я – ни в какую. Осерчал, за кнут схватился, грозился, что совсем прибьёт... Ну, согласилась. Только всё одно не было ему радости – в лесу дочка нашлась, косточки одни... А я в ту же ночь выкинула сыночку. Точно как во сне был – беленький...

Только не дышал уж.

Баба Тася посмотрела в окно, вздохнула, поправила занавеску.

– Я вернулась в этот дом. Обмыла Ивасю и под полом закопала, как бабка учила. И снова стал он мне снится – будто в доме играет, то на печке сидит, то во дворе бегает... А потом котик прибился. Беленький, глазки зелёные... Я как глянула – точно как... – баба Тася запнулась и тяжело сглотнула. – И плачет жалобно, как не взять? А потом – смотрю – я привыкла с сыночкой разговаривать, а котик будто отзывается. Сядет возле меня, чуть скажу «Ивася», а он – «мур». И так каждый раз. Тут-то я и почувяла... Вырос он чуть за месяц в матёрого кота, а больше уж не менялся. Я ему разные имена давала – люди мне-то побоятся пагубу сделать, а ему, как прознают... Да косились, ясно, но берёт бог моего сынку. А теперь уж и тех людей не осталось – перемерли все. Молодые в то не верят, а мне и легче.

– Подожди... Так что... Это, значит, дядя мой? – Божена даже заулыбалась от неловкости. – Кот...

Баба Тася вздохнула.

– Нет, Боженька. Я, как Ивасю родила, так уж больше не могла понести. А потом, через пару лет, бросили девчонку у лечебницы, на крыльце. Ну, все знали, кто бросил, – деревня же... Я пошла и взяла. Мать смолчала, а отец пришёл – пьяный-пьяный, дверь сломал, говорит: «Отдай, лучше я её своими руками утоплю, чем ведунье дам». Грозился много,

да только как домой шёл – сам утоп. В луже на дороге. Что с пьяного-то взять? – баба Тася усмехнулась. – Так Богдана и осталась у меня.

Божена только глазами хлопала. Снова мелькнула мысль, что бабушка ведь совсем старенькая, мало ли... А потом сами собой начали всплывать в памяти скупые рассказы матери об её детстве: что в деревне у неё не ладилось и друзей не было, что мечтала уехать в город и начать новую жизнь... И говорила она о своей прежней, догородской жизни очень неохотно, стараясь закончить разговор побыстрее. И за всю жизнь Божены ни разу не навестила бабу Тасю, хотя по телефону с ней говорила радостно, всегда посылала открытки и подарки к праздникам, а ещё – часто звала в гости. Вот только баба Тася не соглашалась, отнекиваясь дальним расстоянием и возрастом.

– Что, внучка, может, хочешь с Ивасей свидеться? – бабушка улыбнулась лукаво. – Тут уж поверишь.

Божена посмотрела на неё растерянно, перевела взгляд на печь – там снова громыхнуло, но больше ничего не произошло.

Баба Тася поднялась со стула и пошла к печи, опустилась перед ней на колени.

– Ивась! Все знают, что ты там. Выходи!

Некоторое время ничего не происходило – Божена уж решила, что и дальше не будет – но тут из-за печи выглянула морда Пушки, сверкнула на неё зелёными глазами и спрята-

лась обратно.

– Боженька, иди сюда, – бабушка поманила её. – Попроси его. Я ж говорю – он к людям не ходит, а тут... Вот и спужался.

Девушка, помявшись, встала, подошла к печи, присела на корточки. Откашлялась.

– Ивась... – голос скрипел. – Выйди, пожалуйста...

В голове крутилось: «Что за бред... Вот так езжай в деревню – начнёшь с котами разговаривать... А кот заколдованный, поцелуешь – в лягушку превратится... Или в козлёночка... Может, я сплю?..»

Пушок снова выглянул из-за печи, посмотрел на Божену внимательно, выскользнул – шерсть его была на удивление чистой – и рванул в коридор.

– Штаны надень! – крикнула вслед баба Тася и, подойдя к кухонному столу, пояснила внучке. – Привык он уже, котом-то... Я его учила письму, цифрам, да ведь я сама не шибко грамотная. И он – упёртый, всё по-своему. Так что ты не серчай – он обхождения не знает, но хлопец добрый, не обидит.

Божена вернулась на свой стул, наблюдая, как бабушка заваривает чай – по кухне разнёсся запах чабреца – и ставит на стол три дымящиеся чашки.

– Любит он чабрец с мёдом. С детства любил. Смешно даже: все котам молоко наливают, а я – чай. В блюдечко-то. И он хлебает, – баба Тася улыбнулась.

Божена хотела было улыбнуться в ответ, только вместо улыбки вышла напряжённая гримаса. Она вроде и хотела, чтобы рассказ бабы Таси оказался правдой, но и боялась – как жить в мире, где, вопреки книгам просветителей, по домам разгуливают покойники, обернувшиеся котами? Только она задумалась, глядя на пар, волнами стелющийся над чашкой – в нем словно запутался солнечный луч из окна, как в коридоре раздался шум. Вздвогнув, Божена подняла глаза.

На пороге кухни, оглядывая исподлобья её и бабу Тасю, настороженно замер хорошо знакомый парень. Взъерошенные светлые волосы по-прежнему спадали прядями на лицо, но теперь это не казалось пугающим. Обычные волосы, только спутанные. Да и лицо обычное – как было в снах, а не в зеркале. Парень и в самом деле надел потёртые джинсы, но больше ничего. Скользя взглядом по его груди и животу, Божена отвела глаза и покраснела.

– Ты чего нечёсанный-то? И без рубахи? Я ж учила... – баба Тася призывно махнула руками. – Ладно, поди сюда.

Ивась ещё раз покосился на Божену и направился к матери. Девушка даже рот открыла от удивления – за ним змеился длинный и пушистый белый хвост. Видимо, в джинсах было прорезано отверстие.

– И с хвостом на кухню! Говоришь, говоришь – как об стену горох... – баба Тася поднялась к парню и начала пальцами расчёсывать его волосы, убирая с лица. – Ох, горе ты луковое...

Парень одним движением упал на колени, обнял бабу Тасю и спрятал лицо в её одежде. Та погладила его по голове.

– Ну ладно, ладно. Ты ж Боженку знаешь, чего стесняться? Садись лучше чаю попей. Давай, – она потянула парня вверх.

Ивась поднялся, подхватил неподалёку третий табурет, поставил к столу, сел и буркнул:

– Я говорил – без хвоста плохо. Ходить неудобно.

Божена даже вздрогнула – ей почему-то казалось, что парень непременно должен изъясняться мяуканьем. Вместо этого голос у него был тоже вполне обычный, только немного хриплый – как будто спросонок. Девушка во все глаза разглядывала Ивася, который уткнулся в свою чашку и сосредоточенно отхлёбывал чай. «Парень как парень... И ведь правда красивый... А я думала, таких не бывает...». Божена покосилась на лениво метущий по полу хвост. «Может, он просто родился с хвостом? Ну, бывают же люди с мутациями – по семь пальцев, например. А у него – хвост. А бабушка испугалась и решила, будто он – кот. Умом тронулась с горя. А на самом деле ничего в этом нет... А как я сама видела кота? Ведь Пушок-то есть, точно есть. Может, просто совпадение. Подумаешь, белый кот... А тогда где он сейчас?». Божена произвольно поискала глазами по кухне, прислушалась к звукам дома – ничего.

Баба Тася улыбнулась.

– Ну и устроили вы вчера... «котовасию». Меня спужа-

ли, друг дружку спужали... Ты, Иваська, не мог мне сказать? Мол, познакомь меня?

Парень покосился на неё от чашки.

– Чего знакомить? Она вон меня чудищей обозвала. И змеёй.

– Да она ж не со зла... – баба Тася посмотрела на Божиену просительно.

Девушка затараторила:

– Нет, я ничего такого не имела в виду... Вы не подумайте – я очень толерантна, – для убедительности она взмахнула рукой. – Очень. Я с пониманием отношусь к самым разным... людям... и отношениям... и всему... Я просто... Ну, от неожиданности... А вообще, вы не похожи на змею, это в темноте показалось. Я вот теперь понимаю – наверное, на кота похожи, да? – она издала нервное гыканье. – Ну, зубы и прочее. Я вообще котов люблю. Там просто зеркало такое старое, тёмное, и что-то мне змея пришла в голову, а вообще – совсем непохоже. И на чудище тоже. Это я ужастиков пересмотрела. А так – у вас очень милый хвост. Такой... красивый. И вы тоже... очень... это... – Божена окончательно смутилась и опустила взгляд в чашку с чаем, к которой до сих пор не притронулась.

Пару минут ничего не происходило – все степенно пили чай. Вдруг ногу Божиены под столом толкнуло колено Ивася, она торопливо глянула на парня, но не поняла значения ни этого жеста, ни его взгляда. Вместо этого живо вспомнилось,

с каким выражением он ночью смотрел на её грудь, и девушка покраснела.

Баба Тася поднялась из-за стола, начала собирать чашки.

– Ну, детки, я рада, что вы помирились. Ох, ночью-то было... – она с улыбкой покачала головой. – Тот бегаёт, эта бегаёт, зеркало бабки-покойницы побили, чуть пожар не учинили... Дети, дети... А теперь – хорошо.

Ивась снова ткнул коленом ногу девушки и, когда та оторвалась от сосредоточенного изучения занавесок и опасно покосилась на него, сказал:

– Тогда давай спать вместе.

Божена даже рот открыла от подобного предложения. Посмотрев с минуту на ждущего ответа парня, перевела взгляд на бабу Тасю, но та только усмехнулась.

– Я-то что? Ты, чай, девица взрослая – сама решай, – она вытерла руки фартуком и вышла из кухни.

Божена выдавила:

– Да я... Как-то... Ну...

Ивась подождал немного, затем вопросительно склонил голову.

– Что «ну»? Ты ж сказала – хвост красивый. У меня не только хвост красивый.

Девушка поперхнулась слюной и закашлялась, так что Ивась наклонился к ней и мощно хлопнул по спине.

– Лучше?

Давясь остатками кашля – лишь бы больше не хлопал –

Божена пробормотала:

– Да, кхм... Да. Спасибо.

– Так что? Я обычно здесь сплю, на печи тепло. Или можно у тебя.

В голове Божены лихорадочно метались мысли: «Как-то неприлично... Я и не знаю его... И сразу спать!.. А с другой стороны, он красивый... Я бы поцеловала... Ленка обзавидуется...»

Невольно облизнув губы при мысли о поцелуе, Божена храбро выпалила:

– Хорошо! Можно и на печи... У меня вообще очень либеральные взгляды... то есть прогрессивные. Я читаю много, за трендами слежу...

Ивась довольно улыбнулся, взял её за руку и потянул к себе. В первый момент девушка дёрнула руку обратно, в голове мелькнуло: «Что ещё за повадки!», но за этой мыслью всплыл часто повторяемый Ленкой совет «быть проще и получать удовольствие». Прислушавшись к себе, Божена неожиданно решила: «А почему бы и нет?». Она поддалась движению парня и пересела к нему на колени – Ивась сразу сгрёб её в охапку, прижал к себе и, как ночью, потерся носом об ухо и замурлыкал. Девушка было напряглась от непривычной близости чужого тела, но – в принципе, если подумать – в этих руках ей было вполне комфортно и даже уютно. «Почему бы и нет?» – повторила она сама себе и обняла парня в ответ.